

Г. Р. ТАРАЕВА

Ростовская государственная консерватория (академия)
им. С. В. Рахманинова

УДК
378. 978 (004)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МУЗЫКАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА

Создание компьютерных классов и изучение информатики в музыкальных учебных заведениях можно считать проблемой решенной. На повестке дня — компьютеризация специальных музыкальных дисциплин. Для этого нужны методические пособия, электронные учебники и другие обучающие ресурсы. Но без методических стратегий, без дидактических концепций вряд ли удастся ввести компьютер в преподавание специальных музыкальных дисциплин по-настоящему эффективно.

Только взаимодействие музыкального образовательного института с культурой в целом может придать нововведениям концептуальный характер и позволить компьютеризации называться инновационной педагогией.

Инфокоммуникация — формат мышления, модель системы отношений человека с информацией и людей друг с другом. Два объекта надо увидеть во всей неоднозначности: *информационную компетентность и соотношение системы образования со средой культуры.*

В анализе информационной компетентности мы должны, прежде всего, поднять вопрос о возможности потребления современным человеком безграничных объемов доступной информации, умении ориентироваться в ее противоречивых, рационально нерасчлененных массивах, защититься от «передозировки», дезинформации. К учебному процессу, который и до внедрения информационных технологий непомерно «перегружен», это имеет самое непосредственное отношение. И хотя задача понятна и кажется в принципе решаемой, вырабатывать рекомендации необходимо.

Другой важный аспект — соотношение системы образования со средой культуры и запросами общества — звучит менее определенно и несколько тревожит. Музыка классическая не очень востребована обществом, но тогда *кого и для чего мы «производим»?*

СИСТЕМА МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И СРЕДА КУЛЬТУРЫ

Как адекватно оценить современную систему музыкального образования? Все понимают: надо серьезно что-то менять, причем во всех звеньях структуры — от музыкальной школы до нелегитимной (но живучей творческой) аспирантуры, выбора диссертационных тем и процедуры защит. Однако мы, наверное, уже более десяти лет говорим об инновациях: и не просто о совершенствовании качества обучения, но и о поиске инновационных подходов. И все же пока невозможно назвать ни одной современной организационно-дидактической концепции, которая бы оказалась уместной в нашей художественной творческой среде.

Личностно-ориентированный и компетентностный подход, медиапедагогика, дистанционное и *e-learning-, m-learning-*обучение, компьютеризация (особенно, электронный тестовый контроль), модульная технология и система кредитов, нелинейные траектории в образовательном пространстве, модерации, специализации и индивидуализации учебного плана и вообще, *либерализация* образовательной модели (вдобавок двухступенной — с бакалавриатом и магистратурой) на первый взгляд нам не очень подходят. Что-то, наверное, можно частично позаимствовать — из медиапедагогика, например: освоить редакторы звука и видео, чтобы студенты умели самостоятельно создавать аудио- и видеодиски из своих аудиозаписей и съемок на видеокамеру.

Дистанционное обучение вряд ли эффективно и целесообразно при наших немногочисленных заочных отделениях. Можно, конечно, «дистанцироваться» от студентов, частично отвлечь знание от преподавателя: тексты лекций (и вообще теорию) «посбрасывать» в бан-

ки на учебных компьютерах. Это наверняка четче организует самостоятельную работу, поможет изжить, наконец, конспектирование речей педагога. Можно создать и «звуковые хрестоматии» по музыкальной литературе или учебные диски с «галереями изображений», интерактивные программы, в конце концов, разработать *тест-мастера* для опросов по теории и *тест-тренажеры* для контроля-развития слуха.

Само собой разумеется, все перечисленное по-прежнему и ново, и актуально, и совершенно очевидно не вредно, как и введение, кстати сказать, актуальных блоков дисциплин «регионального компонента», дисциплин по выбору (их никто не выбирает, а насаждает волевым порядком) и факультативов.

Возможно, тон и самой статьи, и представленного ниже небольшого отступления покажется читателю несколько «глумливым», но хотелось бы максимально заострить проблему и выступить в защиту студентов, которые изнемогают под бременем бесконечно добавляемых дисциплин.

Давайте задумаемся о том, что мы обычно вводим? Да все, на что хватит фантазии: региональную политэкономию и региональную психологию, региональное творчество и региональное исполнительство, региональное инструментостроение, региональную педагогику, региональные фольклорные традиции. Элективами благополучно можно вернуть сокращенные в учебных стандартах сроки прохождения «федеральных» дисциплин. Было два года инструментовки, сняли один — добавим второй год дисциплиной по выбору (опять же — без выбора). Или сольфеджио с гармонией продлим на годик-другой...

Иногда в сессию учебный план предлагает до *пятнадцати* (!) зачетов. Когда же заниматься на инструменте?! И не только специальностью, но камерным и концертмейстерским репертуаром, общим фортепиано. Фактически не остается времени, чтобы выучить оркестровые партии, позаниматься сольфеджио, гармонией, полифонией, почитать-послушать-посмотреть материалы по истории музыки. Тем более, — озадачиться педагогической, концертной, лекторской практикой, а заодно к ним и подготовиться...

Еще есть одна глобальная проблема у студентов: найти работу по специальности — уважаемую и с достойной оплатой, интересную и творческую. Но, увы, никто никого нигде не ждет. Более того, особого авторитета в обществе специальность музыканта (классической ориентации, разумеется) сегодня не имеет. И все мы об этом прекрасно знаем, однако в запросах общества ничего глобально изменить не можем. Нам, преподавателям, нужна наша работа, наша структура, наша система. Безумием было бы ее раз-

рушать, идти «на поводу» у культуры, окунающей в забвение музыкальную классику со всей ее неоспоримой духовной ценностью.

Мы боимся, что каждый шаг в направлении осовременивания обучения — это шаг в сторону возможной гибели художественного образования. И отгораживаемся от инновационных концепций в сфере дидактических технологий, не занимаемся их анализом, не думаем об адаптации. Стараемся себя утешить: пока все, что делается в современной образовательной системе, далеко не однозначно, нередко обнаруживает противоречия. И, главное, далеко не все может и должно быть внедрено в наши — художественные! — учебные заведения.

Тем не менее считая, что еще можно поmedлить, «побалансировать» на грани нового и надежно проверенного временем, мы сегодня к компьютеризации как будто готовы. Но не покидает опасение, что гармонизовать музыкальное образование с обществом локальными мерами не удастся, если не увидать отдаленный смысл каких-то конкретных «внедренческих» акций. Инновации — это не новые средства, а новые цели. И цели эти располагаются не внутри учебного заведения, а за его стенами. Инфокоммуникационные технологии — это не компьютеры в классе. Инфокоммуникация — явление современной культуры; она играет в ней колоссальную, даже определяющую роль.

Наши ученики и студенты приходят к нам из этого культурного социума. И попадают в нашу среду, управляемую традиционной образовательной технологией, частично подновляемой и ретушируемой.

Главный вопрос между тем наверное прозвучит слишком просто: почему, за *чем* идут к нам учиться? Идут ведь не так, как раньше; по некоторым специальностям мы уже забыли, что такое конкурсные приемы.

Студенты должны хотеть идти в наши учебные заведения. Они должны быть ангажированными в музыкальное образование и получение музыкальной профессии. Мы уверены, что сегодня это одно и то же, музыкальное образование и получение профессии музыканта?! Нередко молодой человек при поступлении вовсе не отдает себе отчета, что приходит получить конкретную профессию — он приходит поучиться, образоваться. И не стоит это квалифицировать как инфантилизм — молодежь должна «напитаться культурой». Слава Богу, что они видят в наших вузах эти очаги культуры и духов-

ности. Они еще, вопреки общим установкам общества, не дарящего нас «поклонением», выбирают с симпатией и любовью нас, своих преподавателей. Идут к нам не в профессию, а в общение, полное уважения, признания, порой — к счастью — доверия и восхищения Учителем.

И это нормально: жизненный выбор в 18—19 лет трудно сделать раз и навсегда. Можно попробовать, в чем-то убедиться и... изменить траекторию обучения вместе с изменением конечной цели. Кстати, сегодня так происходит совсем нередко. Выпускник консерватории идет работать риэлтером, секретарем или референтом в офис, даже менеджером в торговом зале; пытается переучиваться на юриста, экономиста, программиста. Это — реальность.

И либерализация образования — как современная концепция — легитимно настроена на это. В западноевропейской и мировой образовательной системе такое направление сложилось давно.

В российском гуманитарном образовании тоже начинает пробовать себя такой «курс». В 2002 году на базе учебно-научного центра филологии и искусств СПбГУ был создан Смольный институт свободных искусств. С самого начала он стал сотрудничать с Бард-колледжем США, который специализируется на истории искусств, и сегодня выпускники получают два диплома — собственного института и Бард-колледжа. К этому проекту проявили интерес Калининградский госуниверситет, Российский университет дружбы народов, Тульский педагогический университет, Воронежский государственный университет; с этого учебного года Ростовский государственный университет будет первым на Юге России готовить бакалавров искусств и гуманитарных наук. Во всем мире выпускники колледжей свободных искусств особенно ценятся как кандидаты на те должности, где требуется широкий кругозор, оригинальность мышления, умение принимать самостоятельные решения и отстаивать свою точку зрения, а также развитые коммуникативные навыки.

Создание новых специальностей в области искусства — это же прямая и мало приятная конкуренция для консерваторий! Достаточно уже традиционных наших «соперников» — преобразовавшихся в университеты институтов культуры и музыкальных факультетов педагогических институтов. Это они подбирают «наш контингент», лишая полноты наши отборочные конкурсы. Это они «опускают планку требований» к профессиональному облику музыканта.

Да, но их выпускников никто и не берет на работу в консерватории, оркестры, музыкальные театры. Они идут в общеобразовательную школу, в педагогические колледжи, в музыкальные периферийные школы в лучшем случае. И, разумеется, в смежные и «чуждые» сферы. А наши выпускники консерваторий куда идут? Частично туда же. Только не получив никакого вооружения — ни психолого-педагогического, ни содержательно-тематического (детский репертуар, детские методики, синтезатор, педагогическая информатика).

Но вернемся к либерализации образования. Она начинается с того, что в двухступенной системе «бакалавриат — магистратура» предусмотрена внутренняя двухступенность начальной профессиональной подготовки. При продолжительности обучения в четыре года первые два адресованы фактически общему профессиональному развитию. После *модерации*, то есть выполнения учебного плана первых двух лет обучения и переводной работы, студент переходит на старшие курсы, где в течение следующих двух лет проходит специализацию в одной из областей искусства или гуманитарных наук.

Представим себе, что и наш студент, поучившись два года на музыковедении, ушел на вокальную специализацию. С фортепианного факультета пришел на музыковедение, если оно предлагает интересную современную модель. Со струнного пошел на менеджмент или звукорежиссуру. И с любой начальной «ориентацией» выбрал специализацию «педагогическая информатика».

Нам решительно не подходит!!! У нас человек учится музыке до поступления в вуз 11 лет. Что ему еще выбирать?!

А что делать с безумно «слабым контингентом», который мы упрямо продолжаем учить играть сольные концертные программы каждые полгода? Стараться не думать, что этот музыкант ни при каких обстоятельствах не станет солистом? Что запросы общества таковы, какие есть?

Никто не спешит каждый вечер в концертный зал на речиталь. Никто не довольствуется слабым уровнем исполнения, который единственно возможен наличными творческими ресурсами в провинции, как было даже еще в первой половине XX века. Люди располагают мощнейшими каналами доступа к эталонным исполнениям на дисках, тем более, сегодня — видеодисках. Кстати, и к этим каналам прибегают далеко не все не только любители, но сами музыканты. Так радуешься, когда встретишь коллегу-фаната, у которого есть кассеты со всеми постановками Жана Пьера Поннеля 70-х годов!

Скользкий ракурс обсуждения проблем. Но, надеясь, что ход мыслей понятен, давайте сформулируем основной вопрос нашего бытия: *кого, зачем и чему* учить.

Кого? В последнее время уже почти любого, кто пожелает. Желательно еще и найти тех, кто не очень уверен, что пожелает. И отнестись к этому спокойно: занятия музыкой в школе когда-то давно начали называть «для себя». Сейчас, наверное, пришел тот час, когда значительная часть студенческого контингента музыкальных вузов учится больше для себя, чтобы стать человеком той самой высокой духовной культуры, которую образует классическая музыка.

Зачем? Создавать культурного, образованного, духовного человека. Способного работать в разных профессиональных сферах, обладая кругозором, умением мыслить и рассуждать. И — самое главное — быть креативным, потому что занятия художественной деятельностью для человека психологически гигиеничны и очень полезны. Вузовская задача — развитие личности, формирование привычки учиться и навыка делать это в современной информационной среде. Это все актуально в возрасте наших студентов. Наш музыкальный вуз — это сегодня не просто профессия, но школа жизни. Мы привыкли скептически относиться к заформализованной и выхолощенной в советский период воспитательной работе. Ну, так это зависит от целей и форм воспитания. Умение жить в эпоху тотальной информатизации — это пафосная воспитательная цель. Научить не тонуть, оперативно ориентироваться, использовать креативный потенциал информационных технологий (творить с компьютером), противостоять информационному обольщению, защититься от дезинформации. Все это выходит на первый план в качестве дидактической цели.

Чему? Да вот именно тому, что сформулировано в ответе на вопрос «зачем». Как это ни громко звучит, но надо координату «формировать современного человека» вводить в поле инновационных поисков. Можно, конечно, создать комплекты тестов закрытой формы (с выборами ответа) по материалу бригадного учебника гармонии и сделать интерактивную программу. Только не надо удивляться, что ажиотажного спроса у студентов это не вызовет. Разве что как любая компьютерная игрушка — удовольствие от манипуляций

с машиной. Не говоря уже о конечном учебном эффекте.

Прежде чем идти в инновации с компьютером, никак нельзя не поставить четкие цели и быть уверенными, что именно электронное обучение к ним приведет. Как же сформулировать инновационные параметры? Ведь сама постановка вопроса об инновациях в образовании означает определение иных, новых, актуальных целей. А для этого надо серьезно заниматься именно анализом общественных потребностей в данной образовательной структуре.

Конечно, сегодня для музыкального образования, во всех звеньях испытывающего кризисные давления со стороны культуры, характерна растерянность. Каким путем идти? Ориентир на массовую музыкальную среду представляется своеобразным «мезальянсом» — ему уже отведено место в эстрадно-джазовой специализации, и это представляется вполне достаточным. Посягательство на педагогические традиции и содержание учебных дисциплин академического блока кажется вообще невыносимым, невозможным, опасным. А поверхностное знакомство с современными дидактическими технологиями обучения как будто бы убеждает, что это «не про нас».

Думаю, что жизнь сегодня — вся про нас. И изучение, тщательный анализ никогда никому не вредил. Если не отмахиваться, а вникать, может быть и позитивы обнаружатся.

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ И КОНЦЕПЦИЯ МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ

Словом «технология» с его широким значением в применении к образованию сегодня обозначают целостный процесс, организованный как *система принципов достижения образовательной цели*. В отличие от применения разнообразных частных методических идей и приемов, технология определяется только целями обучения.

Они обуславливают соотношение всех составляющих учебно-воспитательного процесса: форм занятий, способов преподнесения информации и развития навыков, организации самостоятельной работы и аттестационного контроля. Технология — это четко разработанный и выстроенный алгоритм обучения, включающий наряду с перечисленными факторами материальное обеспечение и образовательный менеджмент.

Частные, казалось бы, «инновации» типа внедрения ТСО еще в 80-е годы, разработки модели специалиста, комплексный или системный подход, межпредметная интеграция не создавали новой технологии. Они не вели к изменению учебных планов, форм работы и способов аттестации, они не меняли алгоритма обучения, оставшегося «предметоцентристским». Прощел дисциплину, содержание которой регламентируется программой полувечковой, а то и более давности, — получил аттестационный балл. Что складывается из совокупности всех дисциплин и пытались понять межпредметными связями. Но их, к сожалению, не удалось навести эффективно.

Что такое современная либерализация системы обучения? Нелинейное движение по учебному плану, возможность варьирования путем выбора. Для этого в нашу жизнь стали входить мобильные компоненты стандарта. Наряду с федеральным набором (который пока никто не решается «тронуть» существенно, а ой как надо!) можно предлагать элективы — дисциплины «по выбору». Их надо вводить, отвечая актуальным запросам общества, культуры (а не кафедры, озадаченной нагрузкой педагогов). Ввели же мы звукорежиссуру и менеджмент организации как новые специальности. Очень бы пригодилась хотя бы специализация «педагогическая информатика» (не только для музыковедов). Рассмотрение потенциала компьютерной педагогики на всех уровнях обучения, начиная с ДМШ, может сделать совершенно иной методичку и педпрактику.

Не надо думать об обучении игре на инструменте с компьютером — это тезис, выдвигаемый обычно в публицистическом запале для демонстрации нелепостей внедрения информационных технологий в обучение музыкантов. Позитивно мыслящие педагоги по специальности сегодня охотно бы оборудовались в спецклассе телевизором для просмотра видео-концертов, спектаклей, мастер-классов. И не помешал бы им компьютер для выхода в Интернет за такой информацией, которой уже сейчас там немало. Кстати, личностное, человеческое развитие в обсуждениях, в дискуссиях, в спорах при наших индивидуальных часах общения — наш потенциальный козырь. Иначе говоря, деятельное знакомство в спецклассе с безбрежным исполнительским наследием, оцифрованным и компактно доставляе-

мым, могло бы составить программную часть обучения, не отвлекаемую только в какие-то специальные дисциплины типа «теории интерпретации» или «истории исполнительства».

И вот здесь, мне кажется, находится место для освоения уже сейчас одной из современных дидактических концепций. Пусть она не потянет на технологию в целом, но способна обеспечить достаточно радикальные изменения. Я имею в виду *медиапедагогика*.

В музыкальном обучении медиа-средства, как известно, внедрены давно и активно: проигрыватели (еще со времен виниловых пластинок) и магнитофоны плавно перешли на цифровые диски, пополнились телевизорами с видеомангнитофонами и DVD-проигрывателями, а в последнее время проекторами, соединяемыми с компьютером.

Но речь не только об этом. Компьютер сам по себе — всего лишь машина, осуществившая новые пути создания, хранения и трансляции информации всех форматов. По духу же, по функции в культуре — это модель принципиально новых модальностей общения. Собственно, сегодня мы даже не говорим «обучение с компьютером», а «инфокоммуникационные технологии в образовании».

Мы сегодня по-новому «коммуницируем». И один из параметров нового стиля коммуникации — жизнь как «мониторная реальность». С нами живут персонажи TV-экрана, мы сидим перед экраном в глобальной сети, экран мобильного телефона (фактически смартфона) позволяет смотреть не только текст SMS, но фото, видео, снимать самим, передавать и получать «картинки», снабжать ими голосовые сообщения, выходить в тот же Интернет и т.д.

Как мы боялись, что компьютер, обеспечивая дистанционное обучение, обезличит педагогику (еще не перестали бояться!). Но он позволяет педагогу «сбросить с плеч» рутинную часть трансляции информации, сформировать банки любых данных и предоставить их в распоряжение студента. Да еще и с компактной переноской на внешних устройствах (дискетах, дисках, флэш-накопителях). И сокращаются походы в библиотеку, фонотеку. Можно не только ксерокопировать, но сканировать («оцифровывать») книги, ноты, виниловые пластинки, видеокассеты.

Тогда преподаватель может практически полностью отдаться обсуждению, дискуссиям, творческим спорам. Сегодня все говорят о том, что лекция будет потихоньку уходить, уступать место новым формам обучения. Ну и не жаль той лекции, которая была «объективным» нелицеприятным пересказом источников (монографий, учебников) и уступит место яркому интригующему «представлению» информации — своей научно-теоретической позиции, любопытных фактов, продуктов неконвенционального «латерального» мышления.

Такие педагоги есть — где-где, а в нашей творческой среде артистов и лекторов-музыковедов в них недостатка нет. Давайте задумаемся, куда многие из артистов и педагогов направили свой публичный потенциал? На телевидение, конечно. Вспомним образовательные передачи С. Бэлзы, Н. Цискаридзе, А. Варгафтика, интервью М. Ростроповича, Ю. Башмета, В. Спивакова, М. Венгерова. Презентация любой темы — спектакля, музыки, коллеги — не просто интересно, но отмечено индивидуальностью ведущего. А в классе? Разве интересно пересказывать чужие слова?

Думаю, пора ввести такое понятие для преподавателя художественного, в частности, музыкального вуза — «педагогика TV-формата». И это не только предложение превратить лекцию в «телепередачу» со всем необходимым иллюстративным материалом, что поможет очень результативно осуществить компьютер с его монтажной мобильностью. В TV-формате могут идти и любые, выражаясь старинным словом, «семинары». По образцу телевизионной студийной дискуссии.

Тогда можно осуществить четкое разделение фигур в педагогической среде — на преподавателей и тьюторов. Тьютор — помощник организации обучения, выполнения студенческих задач, консультант в работе с компьютером. На нем — поиск материалов в сети, подборка тестов и материалов к ним, проведение тестирования, обработка результатов. Он может помогать готовить исходные материалы для компьютерных презентаций. А преподаватель — это активный исследователь, имеющий концептуальный взгляд на объект и предмет, способный представить эталон, «образец для подражания», убеждающий и впечатляющий своей инвенторностью, креативным мышлением и нестандартным подходом.

Мне много раз приходилось выслушивать возражения о высокой планке, о невозможности каждого отвечать таким высоким требованиям. Что же, на телевидении тоже не каждому дают авторскую передачу, а только тому, кто и придумает, и осуществит проект. Не каждый может? Но не каждый и пробовал. Я не верю, что преподаватель музыкального вуза, артист по духу, не может. Одно совершенно очевидно: если педагогика должна быть инновационной, то и педагог должен быть инновационным, — по существу и образу мышления.

Не надо думать, что инновации можно внедрять, оставаясь таким, как ты был вчера и позавчера, и десять лет назад. Мы все еще живем старыми представлениями о преподавателе в аудитории — его облике, манере поведения, тоне речи, способе общения. А телевидение и вся медиасреда насаждает совсем другие типы и стереотипы лектора-оратора: раскованного, демократичного, уверенного в себе и своем праве высказывать свое *глубоко личное* мнение, свои персональные суждения. Вспомните ведущих, которым Вы симпатизируете.

Может рискованное предложение, но не могу его назвать совсем неуместным. И в училище, и в ВУЗе нужен комфорт обучения. А это не только удобство и целесообразность, которые достижимы внедрением инфокоммуникационных технологий. Это еще и уникальность художественного микроклимата в учебном заведении, который, как ни покажется странным, надо «реанимировать». Нужно «осовремениваться» не вообще, а в связи с общественными предпочтениями и идеалами. Жизнь молодежи в консерватории не должна замыкаться, превращаться в «культурное гетто».

Инновационные преобразования начинаются с создания в учебном заведении климата, гармонично соответствующего информационной культуре. Это один из самых верных путей и одна из актуальнейших задач. И современным он должен быть не в декоративном смысле, а по сути. Ответы на вопросы, *кого, зачем и чему* учить должны быть очень четко проработаны.

Мы живем с телевидением, потребляем информацию в TV-формате, перенимаем интонацию и жесты актеров и ведущих, подражаем их стилю одежды и макияжа (пусть невольно). Но главное, мы проникаемся логикой эк-

ранной подачи, «компоновки» информации. Мы давно исследовали эту особенность «монтажного принципа» в музыке как фактор влияния кино и даже предвосхищения инструментальной музыкой выдающихся мастеров поэтики кино.

Сегодня широко доступное кино через телевидение формирует такие композиционные стереотипы мышления и эмпирически учит нас, а креативная природа компьютера довершает ситуацию до творческого акта. Необыкновенно облегченные компьютерные программы позволяют студенту, записавшему или снявшему мастер-класс, концерт, все отредактировать, сделать меню, создать красочный титул и «выпустить» свой диск. Или разместить все на своем сайте в Интернете. Даже мини-программки, продающиеся вместе с фотокамерой, позволяют сделать самостоятельно маленький киноролик из фотоснимков. Эти возможности широки и беспредельны, и все они могут стать предметом музыкальной педагогики, способствовать рождению совершенно новых дисциплин.

В период стабилизации культурной среды (а нам еще довелось пережить и стагнацию, не только стабилизацию) легко тиражировать

знание и его носителя. Учебным планам и программам может быть несколько десятков лет, как и учебникам. Преподаватель из года в год читает одно и то же. Но этот тип культуры безжалостно уходит в прошлое. Сегодня каждый год будут возникать новые дисциплины, их новое содержание, новые требования к его освоению.

Итак, резюмируя соображения относительно медиапедагогики (это самый общий набросок ее проблем), хотелось бы выделить: а) телевизионный формат аудиторных занятий, б) самодетальное производство аудио-видео «артефактов» и в) изучение истории исполнительства в медийном формате. С анализом, обсуждением, копированием, оценками и исследованием — главными координатами истории интерпретаций классики. Это далеко не все, что может послужить инновационной стратегией. Но концептуальное внимание к медийной педагогике может составить существенный компонент инновационных преобразований.

Тараева Галина Рубеновна —
кандидат искусствоведения, профессор
кафедры теории музыки и композиции
Ростовской государственной консерватории
им. С. В. Рахманинова

